

Глава 9

Воспользовавшись тем, что снимки наконец затихли, Цзин У принял решение внимательно изучить висевшие в коридоре портреты.

На них были запечатлены разные моменты из жизни одного и того же человека — по сути, обрывки его судьбы.

Цзин У разглядел фрагменты прошлого Тан Чжэня и его спутников, увидел рождение и смерть обезглавленных призраков-брата и сестры, но вот на снимках, посвященных ему самому, отразился лишь один-единственный миг — его появление на курорте.

Неужели его появление в игре настолько исказило линию жизни, что призрак-фотограф попросту не смог ничего разобрать?

Или этот призрак когда-то пересекался с Тан Чжэнем и остальными, а с ним самим познакомился только сейчас, оставшись для него абсолютным чужаком?

Интуиция подсказывала Цзин У: верным был первый вариант.

Но тогда возникал резонный вопрос: он провел в игре всего три года. Однако до этого ведь тоже была жизнь, вполне реальная и осязаемая. Почему же призрак не видит то, что было до перехода?

Цзин У охватило странное, смутное предчувствие. Словно некая неведомая сила из темноты подталкивала его в спину, веля во что бы то ни стало докопаться до истины.

— Выходи давай. Сам. Где ты там прячешься?

Все эти безумные фокусы Цзин У устраивал лишь с одной целью — выкурить призрака-фотографа.

Пользуясь численным превосходством, он решил не тратить время на поиски, а сразу перейти к угрозам.

В коридоре стояла мертвая тишина. На висевших по стенам портретах застыли безликие, одинаковые лица, словно сошедшие с конвейера дешевой типографии.

Цзин У не торопился.

Будучи клонами одного человека и обладая общим разумом, они без лишних слов начали

представление.

Один из Цзин У щелкнул зажигалкой. Огонек послушно заплясал, пока парень, словно заправский иллюзионист, крутил зажигалку между пальцами, а затем резко подбросил ее к самому потолку.

Пламя скользнуло по побелке, мгновенно слизав «шевелюры» у целого ряда запечатленных на снимках мужчин, превратив их в плешивых бедолаг.

Еще двое Цзин У встали спина к спине. В их руках хищно сверкнули кухонные ножи. Синхронно, плавно кружась в смертоносном танце, они принялись метать лезвия, словно бумеранги, сдирая со стен пласты фотографий.

Клочки бумаги закружились в воздухе, и искаженные яростью лица на обрывках беззвучно закричали.

Один из острых обрывков, словно случайно срикошетив, полетел прямо в лицо стоявшему неподалеку Цзин У.

Тот лишь небрежно шевельнул пальцами, на лету зажав бумагу между средним и указательным. Секунда — и он резким кистевым броском отправил снаряд обратно. Бумажное лезвие со свистом рассекло воздух, разрезая кружащие вокруг хлопья на мелкие конфетти.

Призрак, похоже, вознамерился стоять до последнего: фотографии на стенах забились в новой судороге, но сам он так и не показывался.

Пытаясь отыскать его, многочисленные клоны Цзин У изощрались как могли, и в конце концов поиски превратились в соревнование: кто эффектнее выполнит очередной трюк.

— Он небось и подумать не мог, что мы никогда не грыземся между собой. Какое редкое единодушие! — гордо провозгласил один из Цзин У.

— Да уж, если посмотреть на себя вблизи... чертовски хорош. Ни единого изъяна, — самодовольно отозвался второй, поправляя челку.

— Единодушие-то единодушием, но шуму от вас слишком много, — проворчал третий, явно тяготеющий к одиночеству.

— Неужели у меня в голове всегда творится такой балаган? — растерянно спросил четвертый, засомневавшись в собственном душевном здоровье.

— Быть не может. Я ведь по натуре человек простой и бесхитростный, — лицемерно заявил

пятый.

— Ага, настолько простой, что обожаешь втихаря собирать компромат на окружающих и бережно его архивировать? — язвительно парировал шестой.

— Да что ты понимаешь, это память!

— Как же вы орете...

— Ладно вам, раз уж выбрались наружу, давайте развлечемся...

Настоящий Цзин У закрыл лицо руками. Он чувствовал, как усталость тяжким грузом давит на плечи. До чего же утомительно иметь дело с самим собой.

Он не боялся ни черта, ни бога, ни жутких тварей, ни аномалий курорта, но, как выяснилось, его главным кошмаром был он сам.

И правда: в конечном счете человек всегда проигрывает самому себе.

К счастью, коллективный разум все же приносил плоды.

— А вот и ты. Попался.

Совместными усилиями клоны наконец наткнулись на странный снимок у самого входа на лестницу.

На нем не было ни лиц, ни групповых портретов — лишь изображение старого пленочного фотоаппарата.

Присмотревшись к объективу, можно было заметить отражавшуюся в стекле крохотную мужскую фигуру. Это и был тот самый фотограф, которого они искали.

Раздался протяжный, тяжёлый вздох. Прямо из объектива на снимке начал соткаться силуэт, и мгновение спустя на пол шагнул измученный длиноволосый мужчина.

Его лицо было мертвенно-бледным — точно такое же Цзин У уже видел на лестничной площадке.

Вблизи он выглядел вполне заурядно: сухопарый, с завязанными в небрежный волнистый хвост волосами, на шее болтался тот самый пленочный фотоаппарат, а рабочая куртка была настолько заляпана грязью, что невозможно было разобрать ее первоначальный цвет.

Если не брать в расчет могильную бледность, он вполне походил на обычного фотографа.

Толпа Цзин У мгновенно взяла его в плотное кольцо, бесцеремонно разглядывая со всех сторон.

Место для укрытия фотограф выбрал на редкость удачно: у самого входа в коридор, прямо под первым напольным снимком с человеческим лицом.

Продвигаясь вглубь коридора, люди обычно смотрят только вперед, и никому не приходит в голову вернуться к самому началу пути, чтобы проверить порог.

Да и если бы они до этого не содрали верхний слой бумаги, то никогда не догадались бы, что под одними снимками скрываются другие.

Весь четвертый этаж напоминал гигантский слоеный пирог из сотен тысяч кадров. Стены были заклеены ими так плотно, что казалось, сдирать их можно вечно, но до настоящей кирпичной кладки так и не добраться.

Цзин У искренне восхитился:

— Надо же. С виду типичный неприкаянный эстет, а после смерти сотворил такое жуткое гнездо.

Цзин У не сомневался: окажись на его месте обычный человек, он бы скончался от разрыва сердца еще до того, как хозяин этого места соизволил бы явиться лично.

— Да по сравнению с тобой я сущий младенец, — пробормотал фотограф, со страхом косясь на обступившую его толпу. — Настоящее чудовище здесь ты.

Окруженный плотной стеной одинаковых лиц, он испуганно вжал голову в плечи и отвечал на вопросы без малейшего промедления.

Еще бы, ведь эти безумные клоны то поигрывали ножами, то щелкали зажигалками, с явным нетерпением поглядывая на его призрачную тушку. Рисковать и проверять их намерения на практике ему не хотелось.

Цзин У озадаченно склонил голову набок, выглядя в этот момент на удивление невинно:

— Если я, по-твоему, чудовище, то кем тогда являешься ты, сотворивший меня? Творцом чудовищ? Монстром в квадрате?

Фотограф лишь обреченно покачал головой. Глядя на эту бесчисленную ораву, он страстно желал лишь одного — вернуться в прошлое и оторвать себе руки за глупое любопытство.

— Нет-нет, я не монстр. Я просто идиот. Круглый дурак, и больше никто.

Это же надо было додуматься — взять и размножить это исчадие ада методом «копировать-вставить», чтобы потом бегать от собственной армии клонов!

Хотел устроить честную дуэль один на один, а в итоге огреб от толпы. Синяки, которые он сейчас зализывал, были прямой платой за опилки в его голове.

— Твоя способность... ты можешь запечатлеть чужие судьбы?

— При жизни я работал оператором на съемках биографических фильмов, — невольно поглаживая объектив фотоаппарата, с грустной ностальгией заговорил призрак. — Потом ушел на вольные хлеба, снимал семейные архивы — от младенчества до самой зрелости. Наверное, поэтому после смерти моя сила и приняла такой облик. Прошлое определило то, кем я стал здесь.

Цзин У вкрадчиво спросил, понизив голос:

— Тогда почему на твоих снимках нет моей жизни?

Фотограф замялся, но, наткнувшись на хищные взгляды окруживших его парней, поспешил выложить все как есть:

— Твои воспоминания... они сфабрикованы.

— И по-твоему, я сам не способен отличить правду от лжи?

— Клянусь, все, что в тебе есть настоящего, — это лишь короткий промежуток времени. Тот, что начался прямо здесь.

— В игре я провел три года. А то, что было до этого? Ты можешь заглянуть глубже?

— Я вижу лишь то, что есть, — нахмурился призрак. — Для меня все твои воспоминания до сегодняшнего дня — сплошной вымысел. Пустота. Я и сам не понимаю, почему... почему... почему так...

Он замолчал, его лицо исказилось судорогой. Схватившись за голову, фотограф внезапно закричал, стремительно проваливаясь в безумие:

— Почему я здесь?! Почему я мертв?! Почему я не могу вернуться домой?! За что?! За что?! За что?!

Цзин У нахмурился. Настроение стремительно портилось.

Он ведь прекрасно помнил свою жизнь. Помнил родителей, которые развелись и завели новые семьи, совсем позабыв о сыне, но все же оставались живы.

Помнил близких друзей, которые три года собирали деньги на его лечение, пока он лежал в коме.

Помнил всё — от детского сада до университета и первой работы. Помнил те редкие моменты из детства, когда отец и мать еще любили друг друга, помнил друзей, с которыми рос в одном дворе. Каждая деталь была настолько отчетливой и живой... Разве такое можно выдумать?

— Скажи еще, что я сам — ненастоящий, — процедил он сквозь зубы.

Бьющийся в истерике призрак вдруг затих на мгновение и безумно забормотал, глядя в пустоту:

— В понедельник я похоронил свои заботы в земле...

— Во вторник я похоронил свой страх в железе...

— В среду я похоронил свою радость в воде...

— В четверг я похоронил свою печаль в бумаге...

—...

Настоящий Цзин У резко вскинул руку, и все его клоны мгновенно смолкли, обратившись в слух.

Эти строчки он уже видел на лестнице, когда поднимался сюда. Они были грубо намалеваны красной краской на стене.

Тогда он принял их за обычную уловку, призванную сбить его с толку, но теперь, слетая с губ безумного призрака, они обретали совсем иной, зловещий смысл.

Тем временем фотограф заходил в экстазе, его голос становился все громче и пронзительнее:

— Я потерял все, но обрел вновь!

— Нет больше ни забот, ни тревог! Лишь вечный покой!

— Я наконец дома! В моем личном раю, в моем мире!

Мужчина дико взвизгнул и зашелся оглушительным, безумным хохотом:

— Это мой мир! Мой! Аха-ха-ха-ха!

Пока внимание Цзин У было приковано к бьющемуся в истерике фотографу, из глубины коридора донесся страшный грохот. Орава клонов слаженно рванулась на шум и разом вышибла дверь одного из номеров.

— Кто здесь?!

Бредни призрака оставили неприятный осадок, лишив Цзин У остатков терпения. И зрелище, открывшееся ему в номере 401, где десять копий Тан Чжэня и его спутников увлеченно мутузили друг друга, окончательно вывело его из себя.

Он только чувствовал раздражение от этого шума.

Его эмоции мгновенно передались клонам — вся толпа Цзин У насупилась, излучая неприкрытую угрозу.

Слетевшая с петель дверь явила живописную картину: подслушивавшие постояльцы валялись на полу, драчуны продолжали кататься клубком, а те, кто послабее духом, забились в углы и тряслись от страха.

Цзин У замер на пороге. В багровом полумраке за его спиной угадывалось копошение бесчисленных темных силуэтов, но перепуганные люди в комнате не могли понять, реальность это или морок.

Цзин У посмотрел на этот балаган:

— Кончайте драку.

Но драчуны, вцепившись друг другу в волосы, даже не обернулись.

— Я сказал: прекратить!

Сотня голосов Цзин У слилась в один оглушительный рев, от которого задрожали стены коридора, а у присутствующих заложило уши.

В ту же секунду Тан Чжэнь и остальные осознали: багровые тени за дверью — вовсе не обман зрения.

Снаружи притаился лифт, до этого тихо забавлявшийся зрелищем: его двери то и дело хлопали, словно беззвучно подзуживая драчунов. Но стоило Цзин У подать голос, как кабина мгновенно захлопнулась и со свистом ухнула вниз, отсчитывая этажи.

Придя в себя и осознав масштабы бедствия, постояльцы горько пожалели, что у них нет колес, как у этого трусливого подъемника. Все мгновенно притихли.

Они послушно выстроились в ряд, напоминая провинившихся первоклассников перед строгим учителем.

Да и кто бы устоял на ногах, увидев целый коридор, забитый ожившими кошмарами с одним и тем же лицом?

Оба Тан Мянэ синхронно попятились, прячась за спины своих Тан Чжэней, и мелко задрожали.

«Этот босс... нет, этот монстр слишком ужасен!»

«С сегодняшнего дня у меня точно разовьется трипофобия!»

«Бог Юэ, где же ты? Спаси нас!»

Словно в ответ на этот мысленный зов, у порога отеля «Рай» бесшумно соткался высокий силуэт в черном. Мужчина бросил взгляд на мокнувший под дождем внедорожник.

Достав окровавленный серебряный бинокль, Юэ Цзиньтань поднес его к глазам и посмотрел на окна четвертого этажа.

Сквозь линзы оптического прибора он отчетливо разглядел, что творится внутри здания.

Тан Чжэнь, Тан Мянэ и остальные оказались в ловушке, окруженные зловецим алым туманом. Положение выглядело критическим.

Юэ Цзиньтань невольно напрягся.

Дело принимало скверный оборот. Противников было слишком много. Похоже, лезть на рожон

в одиночку глупо — придется дожидаться подкрепления.

Но в этот самый миг сотни стоявших у окна тварей синхронно повернули головы и уставились прямо на него. В окулярах бинокля мгновенно замелькали десятки абсолютно одинаковых, жутких лиц — зрелище, достойное страниц классического хоррора.

Юэ Цзиньтань вздрогнул и торопливо опустил бинокль.

— Что это еще за чертовщина?.. Мало того что жуткая до дрожи, так еще и техникой клонирования владеет!

<http://bllate.org/book/20146/2121833>